

Пятая глава

В ноябре, во время праздника шоппинга, в торговом центре было не протолкнуться. Цяо Жуньи, высоко подняв табличку, громко зазывал покупателей и время от времени с очаровательной улыбкой склонял голову, спрашивая прохожих, не хотят ли они зайти и посмотреть товар.

Его взгляд был отрешенным, но глаза — ясными, а когда он улыбался, они становились похожи на полумесяцы, что выглядело необычайно притягательно. И мужчины, и женщины, и стар, и млад — все невольно следовали за его призывами.

Шао Лисюань сидел в десертной лавке напротив и наблюдал за ним сквозь прозрачное стекло витрины.

Впервые он увидел Цяо Жуньи именно здесь, когда зашел купить напиток. Его мгновенно привлек парень в фартуке, принимавший заказы с мягкой улыбкой на губах. Шао Лисюань провел в Нинчэне полмесяца, и целую неделю каждый день приходил сюда за чашкой молочного чая.

Шао Лисюань опустил голову, прижал кончик карандаша к бумаге и принялся старательно выводить набросок.

Торговый центр закрывался в десять. Цяо Жуньи проводил последних покупателей, помог коллегам навести порядок среди разбросанной одежды и вышел на улицу, когда было уже десять сорок.

Живот заурчал — Цяо Жуньи проголодался так, что под ложечкой засосало.

Уже много лет он не испытывал подобного чувства. В прошлой жизни у него был секретарь, решавший все повседневные вопросы, да и босс Шао был человеком, который питался строго по расписанию и всегда приносил ему еду, поэтому, стоило Цяо Жуньи проголодаться, как на столе уже ждал обед.

Он еще никогда не попадал в ситуацию, когда приходится ждать еды два часа после того, как почувствовал голод.

Цяо Жуньи плотнее закутался в школьную куртку, прижал руку к спазмирующему желудку и быстро зашагал к служебному выходу. Следуя по памяти, он вскоре нашел лавку, где торговали блинами цзяньбин.

— Как обычно? — спросил владелец, уже привычно начиная готовить блин.

— Сегодня добавьте корейку, — попросил Цяо Жуньи.

— Сделаем.

Хозяин работал ловко, и вскоре горячий блин уже лежал в руках парня. Цяо Жуньи подул на него и, не дожидаясь, пока тот остынет, откусил кусочек. Обжигаясь и смешно выдыхая воздух, он, морщась от боли, поспешно запихнул в рот еще один кусок.

— Эй, не спеши так, обожжешься, — сказал владелец.

Цяо Жуньи, быстро двигая губами, проглотил горячую пищу. Наконец, когда в желудке что-то появилось, его тревога немного отступила. Он поджал губы и виновато улыбнулся.

Расплатившись, он зашагал прочь, продолжая жевать. Его онемевшие от холода пальцы постепенно начали согреваться, а дрожь в мышцах утихла.

В старших классах, когда он голодал, у него часто мерзли руки и ноги и тело била дрожь. Раньше он не придавал этому особого значения, и лишь повзрослев, понял, что в том возрасте у него, похоже, были симптомы тревожного расстройства.

Он встряхнул напряженными руками, разминая затекшие суставы.

Он думал, что в столь зрелом возрасте его больше не будет накрывать тревога от голода, но, вернувшись в прошлое, обнаружил, что симптомы никуда не делись.

Деньги, полученные от босса Шао, приятно оттягивали карман. Цяо Жуньи задумался, не стоит ли найти психолога и по возможности пройти полное обследование. Хотя ему совсем не хотелось проживать эту жизнь заново, раз уж он здесь, то должен хотя бы постараться не умереть в расцвете лет.

Он присел на бетонный ограничитель у дороги и одной рукой размял икры, которые сильно гудели после долгого стояния.

Автобусы уже не ходили. Цяо Жуньи немного передохнул, доел блин, пересчитал мелочь в кармане и поднялся, выходя на дорогу.

Едва он прошел пару минут, как к тому месту, где он только что сидел, прибежал запыхавшийся человек с чашкой горячего молочного чая в руке. Он огляделся по сторонам.

Черный Мерседес плавно остановился перед ним. Водитель опустил стекло и сказал:

— Шао-эр, он ушел, поехали и мы.

Шао Лисюань торопливо подошел к машине:

— Как он уехал?

— На такси. Не волнуйся, номер я запомнил.

Шао Лисюань замер, и его настроение внезапно взлетело. Раньше Цяо Жуньи жалел денег на такси и всегда добирался домой пешком. Он решил, что это всё благодаря тому, что теперь у парня появились свои средства.

Цяо Жуньи уснул прямо в машине, и его разбудил лишь голос водителя, сообщивший о прибытии.

Это был старый район с узкими улочками, в которых можно было заблудиться, и ветхими домами, предназначенными для сдачи в аренду. Цяо Жуньи вышел из машины, и мимо него, шатаясь, прошли двое пьяных, бормотавших что-то на непонятном диалекте.

Цяо Жуньи слегка отстранился и достал наличные.

Водитель выглядел озадаченным:

— Нет Вичата?

— Телефона нет, — честно признался Цяо Жуньи.

— Тогда я не смогу дать сдачу, — водитель посмотрел на протянутую двадцатку. — У меня нет мелких.

Цяо Жуньи залез в карман: там было семнадцать юаней, но и там не нашлось мелких купюр.

— Ладно, вижу, ты студент, с тебя пятнадцать, — вздохнул водитель и протянул пять юаней сдачи.

— Спасибо, — Цяо Жуньи с благодарностью попрощался с водителем и, обернувшись, увидел знакомое лицо. Человек за его спиной, заложив руки за спину, окинул его взглядом с ног до головы: — Ишь ты, Цяо Жуньи! Уже на такси катаешься? Деньги завелись?

— Побольше, чем у тебя, — ответил Цяо Жуньи.

Цяо Цзяньши, последовавший за ним, с пренебрежением хмыкнул:

— Ты что, богаче своего бати стал?

Цяо Жуньи уловил подтекст и, склонив голову, спросил:

— Сколько выиграл?

Цяо Цзяньши расплылся в улыбке, похлопал себя по ремню, облизнул пальцы и начал считать прямо при нем:

— Раз, два, три...

— Семьсот, — Цяо Жуньи улыбнулся. — Неплохо поработал.

Цяо Цзяньши сразу выпрямился, гордо расправив плечи:

— Еще бы!

— Как раз кстати, мне нужно. Давай сюда, — Цяо Жуньи протянул руку, забрал деньги и двинулся дальше.

Цяо Цзяньши посмотрел на свои пустые руки, не ожидая такой наглости от старшего сына, и поспешил вдогонку:

— Цяо Жуньи, ты не можешь забирать мои деньги!

— Они мне нужны.

— Ты же на такси приехал, зачем тебе еще?

— Я должен учителю за учебные материалы, а еще не вернул те деньги, что ты заставлял меня занимать у одноклассников, — твердо ответил Цяо Жуньи. — К тому же похолодало, в выпускном классе огромное давление, учитель сказал, что моя успеваемость упала, и я, возможно, не смогу поехать на математическую олимпиаду.

Его отец внутри похолодел:

— Как это не сможешь?

— Вот так, — сказал Цяо Жуньи. — Если мне даже на проезд не хватает, какая тут олимпиада?

— Разве вашу школу не возят на автобусе...

— Кто тебе сказал, что нас возят?

— Ты и сказал.

— Я просто не хотел, чтобы вы волновались, — Цяо Жуньши протянул ему руки. — Посмотри, это руки прилежного ученика? В такой холод ты еще ждешь, что я буду мыть посуду в ресторане?

Пальцы Цяо Жуньши были бледными, кончики потрескались от сухости, а на ладонях, несмотря на юный возраст, уже выросли грубые мозоли.

Цяо Цзяньши осекся.

Все-таки у него осталась капля совести. Цяо Жуньши спрятал руки:

— Деньги я оставляю себе. Я составлю список, на что их потрачу. Есть возражения?

Цяо Цзяньши покачал головой, и выражение его лица стало сложным:

— Ну... оставь хоть немного и мне, а то завтра утром даже на завтрак не хватит.

В прошлой жизни Цяо Жуньши был слишком мягкосердечным. Он всегда считал, что, несмотря на недостатки, его родственники — это семья, которая любит и заботится о нем. Поэтому он рано повзрослел, старался быть самостоятельным и не обременять родителей.

Лишь спустя годы он понял, что его любили только за успехи в учебе, а не за то, что он был их сыном. После выпуска из университета у Цяо Жуньши диагностировали депрессию средней тяжести. Он потерял смысл жизни, не мог справиться с давлением общества и полгода пролежал дома, ничего не делая.

За эти полгода он понял, что такое настоящий ад.

Его уши были полны бесконечных упреков и криков. Все его достижения — золотая медаль, отличные оценки, — принесшие семье столько славы, стали прошлым. Родители, которые раньше носили его на руках, теперь смотрели на него как на мусор.

Даже младший брат, который никогда не блистал успехами, начал постоянно сравнивать его с тем, кем он был раньше, одновременно жалея и презирая его.

Чаще всего он слышал фразу: «Отныне вся семья держится на тебе».

Тогда родственники твердили, что их мир рухнул, потому что на Цяо Жуньи больше нельзя было положиться.

Но они не знали, что в те дни, полные обвинений и проклятий, мир рухнул и у самого Цяо Жуньи.

Он заставил себя подняться, начать все сначала, и когда снова добился успеха, родители и брат вновь стали любезными и заботливыми.

Слова Цяо Жуньи снова стали для семьи законом.

Прожив до тридцати, он, может, и не понял, что из себя представляют другие люди, но свою семью видел насквозь.

Раньше, стоило отцу попросить, он отдавал ему минимум пятьсот юаней, ведь ему было жалко старика, у которого в кармане не было ни гроша. А о себе он не думал — мол, молодой, а лицо все равно ничего не стоит.

Но теперь Цяо Жуньи решил, что человеку с такой толстой кожей, как у его отца, потеря лица не страшна.

Он достал двадцатку и протянул ему:

— С завтрашнего дня ешь по утрам паровые булочки, иногда — маньтоу с кипятком, не пей каждый день говяжий бульон, так и до ожирения печени недалеко.

Отец почувствовал, что сын изменился, но, взяв двадцатку, не унимался:

— Завтра у меня встреча с дядей Ляном, дай еще немного?

— Учитель сейчас мной недоволен... — Цяо Жуньи сделал паузу. — Ладно, не буду возвращать ему деньги, на олимпиаду тоже не поеду, все равно толку нет.

— Нет-нет-нет, — поспешно воскликнул Цяо Цзяньши. — Вся семья надеется на тебя, лучше верни учителю деньги.

Раньше, услышав это, Цяо Жуньи чувствовал груз ответственности, а теперь хотел лишь презрительно фыркнуть.

В конечном счете, отец просто был неудачником, чья гордость держалась лишь на успехах сына. Если бы не ради престижа, он бы ни копейки не дал Цяо Жуньи.

— Хорошо, — Цяо Жуньи убрал деньги.

Отец снова спросил:

— Ты же говорил, что сам зарабатываешь на долг. Где те деньги?

— Не хотел вас расстраивать, — Цяо Жуньи засучил рукав, обнажая руку под светом фонаря. Там виднелись глубокие шрамы, уже покрывшиеся корочкой. — Пару дней назад в ресторане я упал в обморок, разбил много посуды, и все деньги ушли на покрытие ущерба.

Отец встревожился:

— Почему же ты не сказал?

— Боялся, что будешь ругать, — Цяо Жуньи изобразил виноватый вид. — Получается, работал бесплатно.

Отец вздохнул, и лицо его стало озабоченным:

— Раз ты упал в обморок, может, стоит сходить в больницу?

— Денег нет, — Цяо Жуньи опустил ресницы. — Думаю, не помру.

Отец хотел что-то сказать, но в итоге промолчал, став лишь еще мрачнее.

Успешно переложив давление на других, Цяо Жуньи больше ничего не сказал. Вернувшись домой, он выпил воды, умылся, попарил ноги и лег спать.

То, что они называли домом, на самом деле было дешевым жильем — комната меньше двадцати квадратных метров с двумя кроватями, где ютилась вся семья. Полудремав, Цяо Жуньи услышал возню родителей.

— Жунь-Жунь сказал, что упал в обморок в ресторане.

— Что?! — это был голос матери, затем он стих — видимо, Цяо Цзяньши заставил ее замолчать. Через некоторое время к кровати Цяо Жуньи кто-то тихо подошел.

Послышался тяжелый вздох, и человек ушел.

Всю ночь Цяо Жуньи проспал в полубреду, а проснувшись утром, чувствовал себя рассеянным.

Рядом по-прежнему спал Цяо Маньи, его лицо выглядело еще совсем юным, далеким от того жадного выражения, которое он обретет позже.

Цяо Жуньи несколько секунд молча смотрел на него, затем перевел взгляд на будильник у изголовья и, протянув руку, переставил его прямо к уху брата.

Цяо Маньи никогда не просыпался от звонка, потому что до того, как он открывал глаза, старший брат уже осторожно выключал будильник. Обычно он ждал, пока Цяо Жуньи приготовит завтрак, и только потом звал его вставать.

Но сегодня его мир перевернулся. Цяо Маньи сел на кровати, прижимая руку к ноющей барабанной перепонке. Брат уже сидел за столом в наушниках, а заметив движение, обернулся.

— Брат, — пожаловался Цяо Маньи, — будильник прямо у уха зазвонил, почему ты не убрал?

— Он не упал, — отрезал Цяо Жуньи. — Я сам его поставил.

Под ошеломленным взглядом брата он добавил:

— Вставай, иди ставь рис вариться.

Дети из бедных семей рано взрослеют, Цяо Маньи умел готовить, но пока Цяо Жуньи был рядом, он никогда не позволял ему это делать — это и приучило его к мысли, что брат должен заботиться обо всем.

Цяо Маньи посмотрел в окно: рассвет только брезжил, и холодный воздух в комнате заставил его снова залезть под одеяло.

— Я еще хочу спать, — тихо пробормотал он.

— Ладно, — миролюбиво ответил Цяо Жуньи. — Спи.

Он снова надел наушники. Цяо Маньи успокоился: брат просто шутит, в такую рань варить рис? Он снова крепко уснул, а Цяо Жуньи, немного повторив материал, распределил оставленные отцом деньги, оставил список на столе, закрыл дверь и вышел.

Цяо Маньи проснулся, когда выпался. Он прислушался — тишина.

Обычно у него в семь тридцать утреннее чтение, и брат будил его в шесть тридцать, они завтракали, потом он еще немного лежал, пока брат мыл посуду, а затем они вместе ехали на

автобусе.

Часы показывали почти семь. Цяо Маньи снова потерся лицом о подушку.

Сегодня время тянулось медленно. Раньше брат уже готовил еду, а сейчас даже запаха риса не было.

Семь пятнадцать.

— Брат, сколько времени? — крикнул Цяо Маньи.

Достаточно было открыть глаза и посмотреть на часы.

Семь двадцать.

— Брат... — никто не ответил.

За стеной слышался шум. Цяо Маньи помнил, что там живет рабочий лет двадцати, он уходил на работу к восьми, поэтому вставал в семь тридцать. Неужели сегодня он поторопился?

Цяо Маньи наконец открыл глаза.

В маленькой комнате окна и двери были плотно закрыты, лишь сквозь щели пробивался слабый свет. Цяо Маньи протер глаза и посмотрел на будильник.

Через две минуты он вскочил с кровати и в панике закричал:

— Брат! Брат! БРАТ!!

На утреннем чтении Цяо Жунь чихнул и невозмутимо перевернул страницу книги.

Слева сзади Шао Лисюань украдкой наблюдал за ним.

Цюань Фэнсянь, судя по всему, всю ночь играл в игры: он спал, прикрывшись книгой.

Му Цзыпэн наклеил на веки пластырь.

Впереди кто-то списывал домашку, кто-то сидел в телефоне.

На улице молодые люди на велосипедах, старики, делающие зарядку, и красивая девушка, чью юбку развевал ветер, — все оборачивались вслед бегущему подростку, который с искаженным от слез лицом кричал: «Брат, за что?! У-у-у-у...»

На большой перемене парни начали собираться на спортплощадку.

— Можно с вами? — спросил Цяо Жуньи. Под удивленными взглядами остальных он улыбнулся: — Тоже хочу попробовать.

Шао Лисюань отреагировал первым: он вытащил из портфеля пятьсот юаней и бросил их в Цюань Фэнсяня:

— Бегом за напитками!

Затем он подошел к Цяо Жуньи:

— Пойдем в спортзал, на улице ветер, замерзнешь.

— ...Я достаточно крепкий.

— Нет, ты утром дважды чихнул, наверняка простудился, — Шао Лисюань вернулся к парте, достал из ящика термос, открыл крышку и протянул ему: — Попей горячей воды.

Цяо Жуньи: «...»

Шао Лисюань опомнился, провел ладонью по краю крышки и снова протянул ее.

Цяо Жуньи пришлось сделать глоток.

Шао Лисюань неотрывно смотрел на его губы, на то, как легкий блеск воды остался на них, и взгляд его стал расфокусированным.

Цяо Жуньи уже начал собираться:

— Пошли, не будем терять время.

Шао Лисюань посмотрел на горлышко термоса, пальцем нащупал место, где касались губы Цяо Жуньи, и прижал его.

В спортзале, когда Цяо Жуньи впервые участвовал в коллективной деятельности, все были

немного взволнованы и по очереди учили его бросать мяч.

Термос Шао Лисюаня был плотно закрыт. Он то и дело поглядывал на Цяо Жуньи, а затем опускал глаза на свой термос, сжимая пальцы на крышке.

— Молодой господин, ты чего застыл? Иди сюда!

Цяо Жуньи снял куртку, оставшись в футболке с длинным рукавом. Услышав оклик, он обернулся.

Шао Лисюань поспешно подбежал:

— Иду.

Му Цзыпэн спросил:

— Зачем ты ходишь с термосом?

Шао Лисюань недовольно ответил:

— Пить хочу, нельзя?

— Ну так попей, — парень по имени Вэй Цзя перехватил мяч и с нетерпением сказал: — Не тяни, у нас времени — всего ничего.

Шао Лисюань промолчал, лишь крепче сжал термос, продолжая смотреть на Цяо Жуньи.

Он подошел ближе и прошептал ему на ухо:

— Можно мне попить из твоей кружки?

Цяо Жуньи странно на него посмотрел:

— Это же твой термос, что за вопросы?

— Хватит уже, молодой господин, — Цюань Фэнсянь выхватил у него термос, с шумом открутил крышку и, пока Шао Лисюань смотрел на это с округлившимися глазами, сунул ему ее в руки.

— Пей давай, потом играть будем.

Край термоса блестел, и было совершенно невозможно понять, в каком именно месте к нему прикасался возлюбленный.

<http://bllate.org/book/21317/2162933>